

К

анал, словно глубокая рана, рассек поле на две половины. Слева, на том берегу, оно было поделено на участки. Там работали люди. Одни домолачивали длинными палками пшеницу, другие, преимущественно женщины, набивали колючей соломой мешки и затем на осликах везли ее в деревню.

По правому берегу тянулся пыльный проселок, а за ним до самого горизонта — поле. Но оно имело совсем другой вид. Здесь не было межей, дробящих его на клочки, здесь никто не работал. Земля отдыхала под паром.

То, что было справа, принадлежало одному человеку — феодалу. То, что было по ту сторону канала, — целой деревне, и принадлежало всего первый сезон, после того как власти поделили землю между крестьянами.

Узнать, что принесла иракским феллахам аграрная реформа, я и ехал сегодня в деревню Абу-Сук. Такое название деревня получила потому, что несколько раз в году в ней собирается базар, который по-арабски называется «суком». Съезжаются феллахи и перекупщики со всей округи, сгоняют овец, ослов и буйволов для продажи или обмена; торговцы привозят ткани, женские украшения и другой нехитрый товар.

Около сотни глинобитных домиков жалась к оросительному каналу. Два ряда глиняных заборов, прерываемых глухими стенами домов, обозначили главную улицу. На ней находилось единственное общественное заведение деревни — небольшое кафе. Расположившись на длинных скамейках, крестьяне неторопливо потягивали крепкий чай из малюсеньких стаканчиков, похожих на фельдшерские банки. Здесь были те, кто уже убрал урожай или оставил довершить дело женам и детям. Посетители таких кафе стараются не заказывать кушаний. Стаканчик чаю за 10 филсов дает им возможность часок-другой посидеть в тени навеса, поделиться новостями, послушать небольшой батарейный приемник, кажется, единственный в деревне.

Узнав о приезде иностранца, председатель местного крестьянского союза Али Маджид неторопливо поднялся из-за столика, всем своим видом показывая, что мое появление его ничуть не удивило. И только пальцы правой руки, быстрее, чем раньше, стали перебирать желтые костяшки че-

Ученик выводит на доске слова:
«Да здравствует мир!»

П. ДЕМЧЕНКО

Феллахи из Абу-Суха

ток. На вопросы он отвечал неторопливо и скупое. Крестьяне, сидевшие вокруг, внимательно слушали его. Чаще в знак одобрения они кивали головами, но иногда кто-нибудь из них, не дождавшись слов Маджида, начинал отвечать сам, разговор становился общим. Постепенно сдержанность улетучилась, и беседа стала непринужденной.

Земля, на которой размещалась деревня, принадлежала раньше государству, но большая часть

крестьян батрачила на феодала. Формально батрак имел право на половину урожая, однако фактически ему доставалось лишь 30—40 процентов. Вскоре после закона об аграрной реформе у феодала отрезали часть земли и передали ее деревне в пользование. Позже и государственный надел, и тот, что был отобран у феодала, поделили между крестьянами — по восемь-десять гектаров на каждую семью. По мнению Али Маджида, крестьяне по-

лучат в этом году в два-три раза больше дохода, чем во времена батрачества, хотя урожайность заметно не увеличилась.

Это, значит, 40—50 динаров, прикинул я в уме, — 1200—1400 рублей в сопоставимых ценах. На такие деньги семье из пяти-восьми человек прожить год — дело мудреное, а хозяйство создавать и того сложнее.

Рост доходов Маджид объяснил тем, что налоги и различные платежи составляют теперь не больше четверти урожая. А причины низкой урожайности были ясны и без его слов. Нет удобренных, машин, сортовых семян, крестьяне очень смутно представляют, что такое севооборот. На полях господствует деревянная мотыга, а порою увесистый кол с сучком на конце, которым давно пора занять место в музее.

Никакого кооператива в деревне, как и всюду в Ираке, нет. Его функции в известной степени заменяет крестьянский союз. Он организует людей на расчистку оросительных каналов, решает во-

просы совместной покупки семян, продажи урожая и т. д. В будущем, когда правительство создаст машинопрокатные станции, союз сможет арендовать трактор для вспашки земли, молотилку или веялку.

— А как выбирается правление союза? — поинтересовался я. Мне показалось, что вопрос этот несколько смутит Али Маджида. Отвечал он все так же размеренно и степенно, лишь небольшая пауза подсказала, что он собирается с мыслями.

Из его слов можно было понять, что правление избрали из общего собрания. Но председатель союза был отстранен губернатором за то, что «занимался не тем, чем нужно, — политикой». На его место губернатор временно, до проведения новых выборов, назначил Маджида, работавшего до этого в сельской управе. Союз ограничивает свою деятельность чисто экономическими вопросами.

Абу-Сук — одна из тех деревень, где раздел земли уже завершен. Таких в Ираке пока не-

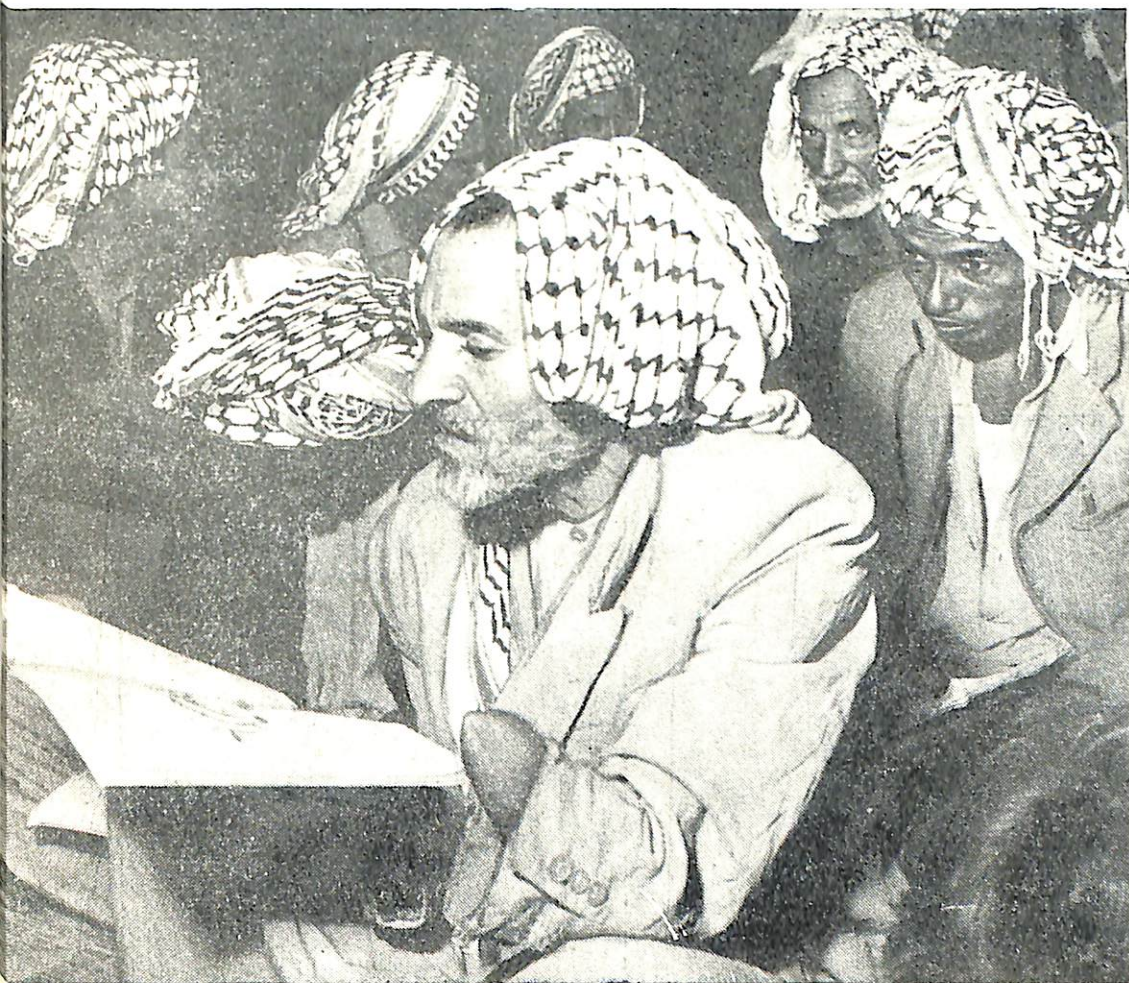
много. По плану министерства аграрной реформы в 1960 году наделы получили чуть больше 12 тысяч семей, а зарегистрировано безземельных около 750 тысяч семей. В будущем году темпы раздачи земли предполагается увеличить и уложиться в сроки, предусмотренные законом.

Напомним, что закон об аграрной реформе был принят иракским правительством в сентябре 1958 года. Он предусматривает конфискацию у феодалов участков, превышающих 250—500 гектаров (в зависимости от качества земли), и раздачу их безземельным крестьянам за выкуп. Каждый бедняк получит, как гласит закон, от 7,5 до 30 гектаров. Изъятие земельных излишков и распределение их должно быть закончено к сентябрю 1963 года. После года подготовительной работы власти конфисковали около трех миллионов гектаров (предстоит изъять примерно столько же) и с января 1960 года начали планомерную раздачу. Тем временем экономисты подсчитали, что осуществление закона позволит обеспечить землей лишь немногим более трети нуждающихся.

Вопрос о том, как поступить с теми, кому не хватит земли, пока повис в воздухе. Частично эту проблему решит сооружение новых оросительных систем на Тигре и Евфрате. Советские специалисты, приехавшие сюда по советско-иракскому соглашению об экономическом сотрудничестве, уже выбирают наиболее подходящие места для плотин и каналов. Но для осуществления этих проектов потребуются многие годы. Некоторая часть крестьян будет занята в государственных хозяйствах и фермах, создающихся также с помощью советских специалистов, и на строительстве промышленных объектов. Все это ослабит остроту проблемы, но не решит ее полностью.

В Абу-Сук помещик сохранил 250 гектаров хорошей орошаемой земли. После революции целый год не показывался он здесь, рассказывали крестьяне. Где пропал — неизвестно, в Багдаде или за границей... Теперь снова стал наведываться. Поле свое в этом году не засеял, оставил отдыхать. Может быть, для того, чтобы в стране меньше зерна было: пусть, мол, правительство знает, что без помещиков ему не обойтись.

Крестьяне говорят о помещике с большой неприязнью. Но тут же выясняется, что некоторые из них

Борьба с неграмотностью — это борьба с колониальным наследием. Крестьяне взялись за книги.

продолжают зависеть от него: одни не погасили старых долгов, другие по-прежнему работают на бывшего хозяина, третьи взяли у него в аренду рабочий скот.

Феодализм в Ираке получил удар, лишился политической власти, но не ушел со сцены.

...Неожиданно надвинулись быстрые южные сумерки. С полей потянулись вереницы крестьян. Словно черные тени, устало двигались по пыльной дороге босоногие женщины. Ослики, намазавшиеся за день, с трудом несли в деревню последнюю дневную ношу — мешки с намолоченным зерном, соломой или огромные связки сучьев. Даже мальчишек и тех утомил неистовый июльский зной. Они жались ближе к матерям, позабыв о шалостях и играх. Во дворах заблестели огоньки, повеяло дымом из глиняных печей.

Подошла к концу и наша беседа. Уже были осмотрены два крестьянских двора, спрятанных от чужих глаз за глиняными заборами, и выпита традиционная чашечка кофе. Надо было ехать.

Напоследок радушные хозяева решили показать свою школу. Она была действительно необычной. В небольшом сарае, прямо на пальмовых циновках разместились человек 30 учеников. Здесь были люди разных возрастов, но только юноши и мужчины. Занятия вел молодой учитель, добровольно согласившийся три раза в неделю по вечерам приезжать в деревню заниматься с неграмотными. Нелегко постигать азбуку после трудового дня под палящими лучами солнца, особенно когда тебе 30—35 лет и надо кормить многочисленную семью.

Высокий парень огрубевшей рукой с трудом выводил буквы на доске, радуясь тому, что делал. Возможно, это были первые слова, которые в свои 16 лет он смог написать без посторонней помощи. Ведь не секрет, что и сейчас большинство крестьян «расписывается», приложив палец к бумаге. И чтобы это ушло навсегда, созданы вечерние школы — островки культуры в иракской деревне.

...Дорога снова вела машину вдоль канала. Теперь эта узкая — всего полтора-два метра — полоска мутной воды показалась мне куда значительнее, чем прежде. Она служила границей не только двух полей, но была барьером, разделяющим классы. Мир труда и бедноты жил с одной стороны канала, старый мир богатства и произвола — с другой.

В СТОЛИЦЕ ЯПОНИИ

А. ГРИГОРЬЯН

Токио — крупнейший промышленный и торговый центр Японии, важнейший железнодорожный узел. Для столицы Японии характерно сочетание маленьких деревянных домиков с многоэтажными железобетонными административными и общественными зданиями, построенными по последнему слову техники, узких извивающихся улиц, сжатых в тисках застроек, с широкими асфальтированными трассами. Своеобразный колорит придают Токио реки и каналы. Восточнее центра протекает река Сумида. Она служит естественной границей между возвышенной западной и низменной восточной частями города.

В центральном районе Токио, именуемом Кодзимати, расположен императорский дворец и разбит обширный парк. Как сам дворец, выстроенный на месте сго-

ревшего замка сёгуна¹, так и прилегающие к нему храмы и другие сооружения представляют собой яркие образцы классической японской архитектуры. Вход на территорию дворца категорически запрещен. Только дважды в году — на Новый год и в день рождения императора — попадают туда «простые смертные». Нам тоже пришлось любоваться дворцом лишь с площади, расположенной перед ним. Недалеко от него находится серое здание парламента, увенчанное массивной квадратной башней с колоннадой. Именно здесь, у здания парламента, мы встретили демонстрацию трудящихся сто-

¹ Сёгун — титул правителей феодальной Японии в 1192—1867 годах, при которых императорская династия была лишена реальной власти.

Улица Гинза.

